

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли весь мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н. Ленин.
1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«Десять дней, которые потрясли мир» — так озаглавил Джон Рид свою замечательную книжку. В ней необычайно ярко и сильно описаны первые дни Октябрьской революции. Это — не простой перечень фактов, сборник документов, это — ряд живых сцен, настолько типичных, что каждому из участников революции должны вспомниться аналогичные сцены, свидетелем которых он был. Все эти картинки, выхваченные из жизни, как нельзя лучше передают настроение масс — настроение, на фоне которого становится особенно понятен каждый акт великой революции.

На первый взгляд кажется странным, как мог написать эту книгу иностранец, американец, не знающий языка народа, быта... Казалось, он должен был бы на каждом шагу впадать в смешные ошибки, должен был бы проглядеть многое существенное.

Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают.

Правда, очевидцами революции были очень немногие.

Джон Рид не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, пони-

мавшим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать такой книги.

Русские тоже иначе пишут об Октябрьской революции: они или дают оценку ее, или описывают те эпизоды, участниками которых они являлись. Книжка Рида дает общую картину настоящей народной массовой революции, и потому она будет иметь особо большое значение для молодежи, для будущих поколений — для тех, для кого Октябрьская революция будет уже историей. Книжка Рида — своего рода эпос.

Джон Рид связал себя целиком с русской революцией. Советская Россия стала ему родной и близкой. Он в ней погиб от тифа и похоронен под Красной стеной. Тот, кто описал похороны жертв революции, как Джон Рид, достоин этой чести.

Н. Крупская.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — сгусток истории, истории в том виде, в каком я наблюдал ее. Она не претендует на то, чтобы быть больше чем подробным отчетом о Ноябрьской¹ революции, когда большевики во главе рабочих и солдат захватили в России государственную власть и передали ее в руки Советов.

Естественно, большая часть книги посвящена «Красному Петрограду», столице и сердцу восстания. Но пусть читатель помнит, что все происшедшее в Петрограде — в разное время, с разной напряженностью, — почти в точности повторилось по всей России.

В этой книге, первой из ряда книг, над которыми я работаю, мне придется ограничиться записью тех событий, которые я видел и переживал лично или которые подтверждены достоверными свидетельствами; ей предпосланы две главы, кратко обрисовывающие обстановку и причины Ноябрьской революции. Я сознаю, что прочесть эти главы будет не легко, но они весьма существенны для понимания последующего.

Перед читателем, естественно, встанут многие вопросы. Что такое большевизм? Какого рода политический строй создан большевиками? Если до Ноябрьской революции большевики боролись за Учредительное

¹ Все даты у Дж. Рида приводятся по новому стилю. В данном издании везде указываются в скобках даты и старого стиля.

собрание, то почему впоследствии они разогнали его силою оружия? И если до того момента, как большевистская опасность стала явной, буржуазия выступала против Учредительного собрания, то почему же впоследствии она стала его поборницей?

На эти и многие другие вопросы здесь не может быть дан ответ. Ход революций, вплоть до заключения мира с Германией, я прослеживаю в другой книге «От Корнилова до Брест-Литовска»¹. Там я показываю происхождение и характер деятельности революционных организаций, развитие и смену народных настроений, роспуск Учредительного собрания, структуру Советского государства, ход и результаты Брестских переговоров.

Рассматривая растущую популярность большевиков, необходимо понять, что развал русской экономической жизни и русской армии совершился не 7 ноября (25 октября) 1917 г., а много месяцев раньше, как неизбежное, логическое следствие процесса, начавшегося еще в 1915 г. Продажные реакционеры, державшие в своих руках царский двор, сознательно вели дело к разгрому России, чтобы подготовить сепаратный мир с Германией. Теперь мы знаем, что и нехватка оружия на фронте, вызвавшая катастрофическое летнее отступление 1915 г., и недостаток продовольствия в армии и в крупных городах, и разруха в промышленности и на транспорте в 1916 г. — все это было частью гигантской кампании саботажа, прерванной в решительный момент Мартовской² революцией.

В первые несколько месяцев нового режима как внутреннее состояние страны, так и боеспособность ее армии безусловно улучшились, несмотря на сумятицу, неизбежную при великой революции, неожиданно дав-

¹ «Kornilov to Brest-Litovsk». — *Дж. Рид*. Эта книга не вышла в свет. Дж. Рид не успел ее закончить.

² Февральской (старый стиль).

шей свободу ста шестидесяти миллионам наиболее угнетенного народа в мире.

Но «медовый месяц» длился недолго. Имущие классы хотели всего-навсего политической революции, которая отняла бы власть у царя и передала ее им. Они хотели, чтобы Россия стала конституционной республикой, подобно Франции и Соединенным Штатам, или конституционной монархией, подобно Англии. Народные же массы желали подлинной рабочей и крестьянской демократии.

В своей книге «Благовест России» («Russia's Message»), представляющей очерк революции 1905 г., Уильям Инглиш Уоллинг¹ дает прекрасное описание состояния духа русских рабочих, впоследствии почти единодушно выступивших на стороне большевизма:

«Они (рабочие) видели, что даже при самом свободном правительстве, если оно окажется в руках других социальных классов, им, возможно, придется по-прежнему голодать...

Русский рабочий — революционер, но он не насильник, не догматик и не лишен разума. Он готов к боям на баррикадах, но он изучил их, и — единственный среди рабочих всего мира — изучил на собственном опыте. Он готов и горит желанием бороться со своим угнетателем, капиталистическим классом, до конца. Но он не забывает о существовании других классов. Он только требует от них, чтобы в надвигающемся грозном конфликте они встали либо на ту, либо на другую сторону...

Они (рабочие) все согласны, что наши (американские) политические учреждения предпочтительнее их

¹ Уильям Инглиш Уоллинг (1877–1936), американский экономист и социолог, автор нескольких работ о рабочем движении и о социализме. Дж. Рид цитирует работу Уоллинга «Благовест России», опубликованную в США в 1908 г.

собственных, но они вовсе не жаждут променять одного деспота на другого (т.е. на класс капиталистов).

Рабочие России подвергались расстрелам и казням сотнями в Москве, Риге и Одессе, заключению тысячами в каждой русской тюрьме и ссылкам в пустыни и арктические области не ради сомнительных привилегий рабочих Гольдфильдса и Криппл-Крика...».

Вот почему в России в разгар внешней войны политическая революция переросла в революцию социальную, нашедшую свое высшее завершение в торжестве большевизма.

В своей книге «Рождение русской демократии» А. Дж. Сак, директор враждебного Советскому правительству Русского информационного бюро в Америке, говорит следующее:

«Большевики создали свой собственный кабинет с Николаем Лениным — премьером и Львом Троцким — министром иностранных дел. Неизбежность их прихода к власти стала очевидной почти немедленно вслед за Мартовской революцией. История большевиков после революции есть история их неуклонного роста».

Иностранцы, и особенно американцы, часто подчеркивают «невежество» русских рабочих. Верно, им не хватает политического опыта западных народов, зато они прошли прекрасную школу в своих добровольных организациях. В 1917 г. русские общества потребителей (кооперативы) имели свыше двенадцати миллионов членов, а Советы сами по себе являются чудесным проявлением организационного гения русских трудящихся масс. Более того, во всем мире, вероятно, нет народа, который столь хорошо изучил бы социалистическую теорию и ее практическое применение.

Вот как характеризует этих людей Уильям Инглиш Уоллинг:

«Большинство русских рабочих умеет читать и писать. Страна уже много лет находится в таком неспо-

койном состоянии, что они могли пользоваться руководством не только развитых людей из своей собственной среды, но и многочисленных революционных элементов образованных слоев общества, обратившихся к рабочему классу со своими идеями политического и социального возрождения России...»

Многие авторы объясняют свою враждебность к советскому строю тем, что последняя фаза русской революции была просто борьбой «порядочных» элементов общества против жестокостей большевиков. Но в действительности именно имущие классы, увидев, как возрастает мощь народных революционных организаций, решили разгромить их и остановить революцию. Добываясь этой цели, буржуазия в конце концов прибегла к отчаянным мерам. Для того чтобы сокрушить министерство Керенского и Советы, был дезорганизован транспорт и спровоцированы внутренние беспорядки; чтобы сломить фабрично-заводские комитеты, закрывали предприятия, прятали топливо и сырье; чтобы разрушить фронтовые армейские комитеты, восстановили смертную казнь и потворствовали поражениям на фронте.

Все это было великолепной пищей для большевистского огня. Большевики ответили проповедью классовой борьбы и провозглашением верховенства Советов.

Между этими двумя крайними направлениями находились группировки, целиком или частично поддерживавшие их, в том числе так называемые умеренные социалисты — меньшевики, социалисты-революционеры и еще несколько мелких партий. Эти группировки тоже подвергались нападкам со стороны имущих классов, но сила их сопротивления была подорвана их же теориями.

В общем, меньшевики и социалисты-революционеры полагали, что Россия экономически не созрела для социальной революции, что возможна только рево-

люция политическая. По их мнению, русские массы были недостаточно подготовлены для того, чтобы взять власть в свои руки; всякая такая попытка неизбежно привела бы к реакции, с помощью которой какой-нибудь беззастенчивый политикан мог бы восстановить старый режим. Вот почему получилось так, что, когда умеренные социалисты были вынуждены взять власть, они страшились использовать ее.

Они полагали, что Россия должна пройти через те стадии политического и экономического развития, которые прошла Западная Европа, и лишь после этого вместе с остальным миром дойти до вполне развитого социализма. Естественно поэтому, что они в согласии с имущими классами считали, что прежде всего Россия должна стать парламентским государством, хотя и с некоторыми поправками против западных демократий. Следствием этого было то, что они настаивали на участии имущих классов в правительстве.

Отсюда был только один шаг к их поддержке. Умеренные социалисты нуждались в буржуазии, но буржуазия не нуждалась в умеренных социалистах. Таким образом и получилось, что министры-социалисты были вынуждены мало-помалу отступать по всем пунктам своей программы, а представители имущих классов наступали все решительнее.

И в конце концов, когда большевики разбили в прах все пустые компромиссы, меньшевики и эсеры оказались участниками борьбы на стороне буржуазии... В настоящее время то же самое можно видеть почти в любой стране мира.

Большевики, представляется мне, — это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре вой-

ска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве и Россия снова попала бы под иго какого-нибудь царя...

После целого года существования Советской власти все еще модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантур, на какие когда-либо осмеливалось человечество, — авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и великих стремлений. Уже был готов аппарат для раздела крупных помещичьих имений между крестьянами. Уже были созданы фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, чтобы пустить в ход рабочий контроль над производством. В каждой деревне, в каждом городе, в каждом уезде и в каждой губернии имелись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, готовые взять на себя дело местного управления.

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения. Точно так же, как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской Коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 г., каким духом был в это время охвачен народ, каковы были, что говорили и что делали его вожди. Именно об этом я думал, когда писал настоящую книгу.

В борьбе мои симпатии не были нейтральны. Но, рассказывая историю тех великих дней, я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину.

Дж. Р.

Нью-Йорк, 1 января 1919 г.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ

Рядовому читателю будет очень трудно разобраться во множестве русских организаций — политических групп, комитетов и центральных комитетов, дум и союзов. По этой причине я даю здесь несколько кратких определений и объяснений.

Политические партии

На выборах в Учредительное собрание в Петрограде было девятнадцать списков кандидатов, а в некоторых провинциальных городах — до сорока; однако в кратком обзоре целей и состава политических партий, помещенном ниже, включены только те группы и фракции, которые упоминаются в этой книге. Здесь может быть указано лишь на самое основное в их программах и дана только общая характеристика тех социальных слоев, которые они представляли.

1. *Монархисты* разных оттенков, *октябристы* и т.д. Эти некогда сильные фракции больше не существовали открыто; они либо ушли в подполье, либо их члены вступили в партию кадетов, поскольку кадеты постепенно приняли их политическую платформу. Из представителей этих групп в книге упоминаются Родзянко, Шульгин.

2. *Кадеты*. Так названы по первым буквам наименования партии — «Конституционные демократы». Официальное название кадетской партии (после революции) — «Партия народной свободы». При царизме партия кадетов, состоявшая из либералов — представителей имущих классов, была самой крупной партией политических реформ, в общих чертах соответствующей Прогрессивной партии в Америке. Когда в марте 1917 г. разразилась революция, кадеты образовали первое Временное правительство. В апреле кадетское правительство было сброшено, потому что оно открыто выступило с защитой империалистических целей союзных держав, в том числе империалистических целей царского правительства. По мере того как революция приобретала все более ярко выраженный характер социальной революции, кадеты становились все более консервативными. Из их представителей в этой книге упоминаются Милюков, Винавер, Шацкий.

2а. *Группа общественных деятелей*. После того как кадеты утратили свою популярность из-за их связей с корниловской контрреволюцией, в Москве была организована «Группа общественных деятелей». Представители этой группы получили министерские портфели в последнем кабинете Керенского. Группа объявила себя внепартийной, хотя ее духовными вождями были люди вроде Родзянко и Шульгина. В нее вошли самые «современные» банкиры, коммерсанты и промышленники, которые были достаточно умны и понимали, что с Советами нужно бороться их собственным оружием — экономической организацией. Типичны для этой группы — Лианозов, Коновалов.

3. *Народные социалисты, или трудовики*. Небольшая по численности партия, состоявшая из осторожных интеллигентов, руководителей кооперативных обществ и консервативно настроенных крестьян. Называя себя социалистами, трудовики на деле защищали интересы

мелкой буржуазии — чиновников, лавочников и т.д. Прямые преемники состоявшей в большинстве из представителей крестьян «трудовой группы» IV Государственной думы и наследники соглашательских традиций этой группы. Керенский был лидером трудовиков в Государственной думе, когда в марте 1917 г. вспыхнула революция. Народные социалисты — националистическая партия. Их представители в книге: Пешехонов, Чайковский.

4. *Российская социал-демократическая рабочая партия*. Первоначально марксисты-социалисты. На съезде в 1903 г. из-за разногласий по тактическим вопросам партия раскололась на две фракции — большинства и меньшинства. Так возникли названия — «большевики» и «меньшевики». Два крыла превратились в две отдельные партии. Каждая из них называла себя Российской социал-демократической рабочей партией и заявляла о своей приверженности к марксизму. После революции 1905 г. большевики фактически были в меньшинстве и стали снова большинством в сентябре 1917 г.

а. *Меньшевики*. Эта партия включает социалистов всех оттенков, которые считают, что общество должно прийти к социализму путем естественной эволюции и что рабочий класс должен сначала получить доступ к политической власти. Также националистическая партия. Это была партия социалистов-интеллигентов, а поскольку все средства просвещения находились в руках имущих классов, интеллигенция, естественно, тянулась к их образу мысли и становилась на сторону этих классов. Из их лидеров в этой книге упоминаются Дан, Либер, Церетели.

б. *Меньшевики-интернационалисты*. Радикальное крыло меньшевиков, интернационалисты, противники всякой коалиции с имущими классами; в то же время они не желали порывать с меньшевиками-консервато-